СОБОЛЕВА Светлана Михайловна

канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: soboleva.sm@dvfu.ru

Задачи и возможности лингвистической экспертизы в контексте лингво-когнитивной безопасности страны

УДК 81-139

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47

Вербальные манипуляции – очень тонкий и опасный инструмент ментального программирования. Даже специалисты, в чьи компетенции входит умение различать скрытые речевые тактики и противодействовать им, не всегда могут их обнаружить. Подавляющее большинство граждан оказываются беспомощными в ситуации скрытой речевой агрессии, которая направлена на разрушение идентичности человека, развитие в нём комплекса ущербности и стыда за свою национальную принадлежность, язык, историю своей страны и её культуру. Это является серьёзной угрозой не только в лингво-когнитивной сфере, но и в военной. Эксперт, владеющий методикой лингвистического анализа, может не только определить степень опасности, заключённой в подобного рода материалах, но и предложить способ противодействовать скрытым информационным атакам.

лингво-когнитивная
безопасность,
национальная
идентичность,
специфика
деятельности эксперта,
информационная
атака,
лингвистическая
экспертиза,
скрытые приёмы
речевого воздействия,
вербальное
манипулирование
в СМИ

Задачи, решаемые судебной лингвистической экспертизой, определяются тем, что эта отрасль прикладной лингвистики находится на стыке двух научных дисциплин – языкознания и юриспруденции. Традиционно академическая наука лингвистика за последние 20 лет превратилась из кабинетной схоластики в мощный инструмент для решения сугубо практических задач – политических, идеологических, правовых и даже военных. Выход на первый план информационной сферы как места столкновения интересов и отдельных общественных групп, и государств, и международных альянсов привёл к пересмотру роли слова в жизни человечества и формированию в российском экспертном и научном сообществе концепции лингво-когнитивной безопасности как защиты ментального пространства, обеспечивающего устойчивость исторической общности, называемой «Российская Федерация». Таким образом, задачи, решаемые экспертами-лингвистами в рамках тех или иных уголовных или гражданских дел (например, «По делам о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма» или «По делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности», или «По делам о публичных призывах, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», или «По делам о возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства», или «По делам о реабилитации нацизма», или «По

Для цитирования:
Соболева С. М. Задачи и возможности лингвистической экспертизы в контексте лингво-когнитивной безопасности страны // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 41–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47

делам о защите чести, достоинства и деловой репутации») оказались интегрированными в сложные социальные и геополитические процессы. При этом методы, используемые лингвистами в судебной экспертизе, вполне приемлемы для анализа материалов СМИ, формально не подпадающих ни под одну из статей Уголовного или Гражданского кодексов Российской Федерации, но деструктивный потенциал которых опаснее любого экстремистского призыва или неприкрытого русофобского заявления. Даже подготовленным и квалифицированным людям непросто сопротивляться такого рода атакам. Нижеприведённый фрагмент одной из резонансных публикаций в «Новой газете» – яркое тому подтверждение:

«Если бы культурный багаж Пушкина состоял из сказок Арины Родионовны, то его, Пушкина, не было бы. Собственно, его не было бы вообще, потому что не было бы его предка – арапа Петра Великого. ...если бы Пётр I не сделал Россию частью европейского мира, то не было бы не только Толстого – Тургенева. Не было бы и столь любимой нашими патриотами Российской империи. Её бы просто не существовало. Московская Русь с её домостроем, ксенофобией, технической отсталостью и, кстати, повальным гомосексуализмом, шокировавшим западных наблюдателей, заняла бы на геополитической карте мира примерно то же положение, что древняя и отсталая Персия. Нашим патриотам не пришлось бы стенать об утрате Украины: Украина была бы частью Большой Польши или Великой Литвы. Нашим патриотам не пришлось бы страдать по Крыму: в Крыму бы жили татары; Смоленск бы принадлежал полякам; газовые месторождения в Уренгое разрабатывала бы Великая Швеция, а граница с индустриальной сверхдержавой Японией, в начале XX века ударившейся в поисках природных ресурсов в бурную колонизацию, проходила бы где-нибудь по Уралу» [4].

Этот текст был предложен студентам ДВФУ, второй год обучающимся по магистерской программе «Международные отношения». На вопрос «Что вы думаете по поводу содержащейся в данном тексте информации?» они, опустив головы, ответили: «Что же делать, если всё это правда». «Что “правда”? – спросила я у них. – Вот это? Это вы называете правдой:

«Культурный багаж Пушкина состоял только из сказок Арины Родионовны. Да и сам Пушкин не появлялся на свет, так как не было его предка – арапа Петра Великого. Пётр I не сделал Россию частью европейского мира, и поэтому в России не было ни Толстого, ни Тургенева. Не было Российской империи, и патриоты не могли выразить свою любовь к несуществующему государству. Московская Русь с её домостроем, ксенофобией и технической отсталостью занимала на геополитической карте мира то же положение, что древняя и отсталая Персия, а повальный гомосексуализм Московской Руси шокировал западных наблюдателей. Государство Польша называется Большой Польшей, а Литва – Великой Литвой, и Украина является частью одной из них. Патриоты не стенают по этому поводу. Патриоты также не стенают по поводу того, что в Крыму живут татары, а Смоленск принадлежит полякам. Газовые месторождения в Уренгое разрабатывает Великая Швеция. Япония является индустриальной сверхдержавой, ударившейся в начале XX века в поисках природных ресурсов в бурную колонизацию. Россия граничит с ней где-то по Уралу».

«Ах, да! – сказали студенты. – Теперь мы видим, что это манипуляция». Но для того, чтобы понять манипулятивную природу предложенного им текста, студентам понадобилась помощь преподавателя-лингвиста, самостоятельно это сделать они не смогли. Приём, создающий манипулятивный эффект в этом фрагменте, состоит в использовании сослагательного нереального наклонения в качестве доказательной базы аргументации. Все предложения строятся на нереальном сослагательном синтаксисе и имеют статус или предположений, или субъективных оценочных суждений. Автор навязывает нереальное положение «если бы» в качестве реальной картины мира, и, поскольку все сослагательные предложения идут цельным неразрывным блоком, к тому же эмоционально нагруженным, то аудитории очень тяжело противостоять этой лживой риторике. Ни один эксперт не обнаружит в данном отрывке признаки экстремистских текстов – в нем нет призывов к насильственному изменению основ конституционного строя Российской Федерации; он не содержит публичного оправдания терроризма и не направлен на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Тем не менее его необходимо рассматривать как инструмент, используемый для создания лингво-когнитивной платформы, базирующейся на утверждении «культура России ущербна и вторична от западной, да и вся Россия ущербна и вторична». Эта платформа, подменяющая концепт «народ-победитель» концептом «народ-побеждённый», предназначена для внедрения в сознание граждан Российской Федерации идеологии ущербности, и в дальнейшем служить основой для продвижения интересов Запада в экономическую, политическую и социальную сферы. Действительно, «в современном мире не военный захват, а информационное и культурное проникновение становится одной из основных угроз национальной безопасности» [2, с. 51].

Российское законодательство регламентирует деятельность эксперта, разграничивая компетенции сотрудника правоохранительных органов, с одной стороны, и лица, обладающего специальными знаниями и назначенного для производства судебной экспертизы, с другой. Так, Статья 57 Уголовно-процессуального кодекса РФ указывает, что эксперт не вправе «самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования», подменяя тем самым следственные органы [5].

Из этого следует, что в своей деятельности эксперт-лингвист может опираться исключительно на предоставленный ему текстовой материал. Тем не менее перед экспертом нередко ставятся вопросы, на которые он самостоятельно без помощи следователя ответить не может. В частности, в делах по обвинению в клевете ответ на вопрос «Имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения о каких-либо фактах нарушения законодательства, моральных принципов, правил поведения?» требует не столько лингвистической, сколько юридической компетенции, поскольку предполагают выполнение ряда следственных действий. Для лингвиста в данном вопросе ключевым является термин «утверждение», который понимается как высказывание, в котором предлагаемая информация подаётся как соответствующий реальному положению дел инвариант. Этим утверждение отличается от предположений, вопросов, суждений и мнений, допускающих разный статус подаваемой информации – от весьма правдоподобной до совершенно нереальной. Очевидно, что один и

тот же информационный повод, изложенный в виде утверждения и в виде предположения, будет иметь разные юридические последствия. Например, фраза «Чиновник Н участвует в коррупционных схемах» является утверждением, за изложенную в ней информацию журналист несёт юридическую ответственность. Фраза «Возможно, чиновник Н участвует в коррупционных схемах» является предположением и не предусматривает юридической ответственности. Приведённый выше фрагмент статьи из «Новой газеты» показывает, что это обстоятельство может умело использоваться СМИ для публикации спорных материалов.

Несмотря на то, что деятельность журналиста регулируется целым рядом международных и российских нормативных документов, в частности Международной декларацией принципов поведения журналистов и Федеральным Законом «О средствах массовой информации», обязывающими представителей прессы объективно освещать факты и уважать общественные интересы, в действительности журналиста очень трудно привлечь к ответственности, даже если его публикация вызывает негодование общества и провоцирует конфликт. Примером этому служит предлагаемый ниже текст:

«Вообще Одесса была вполне мирным и благополучным городом. Ну да, были там и пророссийские активисты, кучковались на Куликовом поле, но на них почти не обращали внимания... На Первое мая, кстати, эти пророссийские прошли демонстрацией – и никто их не тронул. Пусть ходят... А второго пройтись решили футбольные фанаты ... так называемые ультрас, за Украину – откуда бы они ни были. Ну песенку при этом спеть. Ту самую, из трёх слов (два приличные: Путин и ла-ла-ла-ла-ла). Многие одесситы тоже хотели послушать эту живую музыку.

Пророссийцы тоже собирались... и писали об этом в соцсетях ... Намерение тоже было обозначено – побить «заезжих фашистов». Ну, скажем, ультрас – не подарок: подарки так не называются. Но фашисты? Это слишком сильно. Впрочем, для пророссийцев эти детали неважны... У пророссийцев на рукавах, помимо традиционных уже георгиевских ленточек, были красные повязки, а точнее – наклейки красным скотчем...

Ну и менты частично рукава пометили. А еще у пророссийцев было оружие – не только биты, но и огнестрелы, и из-за милицейских щитов они стреляли. И были раненые, и были убитые. Точно – два трупа, возможно – четыре. Не так много, хотя... Вряд ли кто-нибудь из родителей хочет получить сообщение: «Ваш сын убит на Дерибасовской. Заберите тело». Тут одного достаточно» [3].

Этот текст представляет собой с небольшими сокращениями отрывок из статьи Марины Завадской «Я вам не скажу за всю Одессу», опубликованной в краевой газете «Арсеньевские вести» 7 мая 2014 года – через пять дней после страшной гибели нескольких десятков людей в одесском Доме профсоюзов. Вот ещё один фрагмент из её публикации:

«Здание загорелось – не всё. Сначала – входная дверь, фойе с баррикадой. И в пару окон второго этажа влетели бутылки. Вспыхнуло на третьем этаже, изнутри. Возможно, загорелся коктейль у криворуких защитников здания – технику безопасности при работе со взрывчатыми и горючими веществами никто не отменял» [3].

Первое впечатление от этого текста – лёгкость пера и снисходительная ирония, которые могли быть зачтены в пользу автора, если бы не событие, послужившее информационным поводом для написания этой статьи. 2 мая в Доме профсоюзов в Одессе заживо сгорели несколько десятков человек – точное число жертв неизвестно до сих пор, т. к. следствие ещё не закончено. Очевидная неуместность легкого насмешливого стиля при освещении столь страшного события – это единственное, на что обратили внимание студенты, обучающиеся по программе «Фундаментальная и прикладная лингвистика», когда им был задан вопрос «Какими языковыми средствами пользуется автор для достижения своей коммуникативной цели?». Коммуникативную цель автора студенты определить не смогли. Для того чтобы это сделать, студентам нужно было задать самим себе ещё один вопрос: «Кто является объектом авторской иронии?». Ответ на него раскрывается в самом тексте – объектом иронии Марины Завадской являются сгоревшие заживо пророссийские активисты. Они не просто объект иронии (*пророссийские активисты кучковались на Куликовом поле, но на них почти не обращали внимания; пророссийские прошлись демонстрацией – и никто их не тронул; криворукие защитники здания*), на них косвенным образом возлагается вина за трагедию (*у пророссийцев было оружие – не только биты, но и огнестрелы, и из-за милицейских щитов они стреляли. И были раненые, и были убитые; загорелся кокетель у криворуких защитников здания – технику безопасности при работе со взрывчатыми и горючими веществами никто не отменял*). Автор выставляет в нелепом и смешном свете не столько политические взгляды людей, выступающих с пророссийских позиций, сколько их идентичность, символически подчёркнутую георгиевскими ленточками. Важным элементом этой идентичности является осознание себя частью России.

Особый интерес представляет заголовок статьи «Я вам не скажу за всю Одессу». Это строчка припева из известной песни «Шаланды полные кефали...», написанной в 1943 году к кинофильму «Два бойца». Эта песня, ставшая после выхода фильма широко популярной в народе, не рекомендовалась для официального исполнения, так как считалась блатной. Название текста, будь это научная статья, много томный роман, или популярный песенный хит, имеет особое значение для его интерпретации – именно название задаёт когнитивный каркас всего произведения и раскрывает логические связи событий, описанных автором [1, с. 85]. Если автор выбирает строчку из считающейся блатной песни в качестве когнитивной установки для описания страшного события, то, очевидно, автор намеренно снижает трагизм случившегося.

Таким образом, коммуникативная цель автора представляет собой единство трёх мотиваций:

- ♦ ослабить трагичность описываемых событий;
- ♦ представить в нелепом виде пророссийских активистов;
- ♦ навести аудиторию на мысль, что в своей гибели сгоревшие заживо пророссийские активисты виноваты сами.

Как и в публикации в «Новой газете», здесь невозможно найти явные признаки действий, направленных «на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, проис-

хождения, отношения к религии» [6] – нельзя же, в самом деле, предъявлять претензии автору за то, что он обладает едким сатирическим стилем – но манипулятивное воздействие статьи «Я вам не скажу за всю Одессу» несомненно.

Любой из нас может вспомнить подобного рода выступления и печатные публикации, в которых, не подвергая себя риску быть обвинёнными в фальсификации истории, подтасовке фактов и русофобии, авторы подменяют элементы реальной картины мира на ложные. Слушатели и читатели могут смутно ощущать, что автор лукавит и использует нечестные приёмы аргументации, но понять, каким образом он это делает, аудитория не в состоянии. Очевидно, что такого рода публикации встречаются как в центральной печати, так и в местной. Экспертный анализ, раскрывающий механизм вербальных манипуляций, помогает разгадать коммуникативную цель подобных текстов

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: учеб. пособие. – М.: Изд-во «Флинта», 2009. 392 с.
2. Волочаева О. Ф. Информационно-культурно составляющая системы невоенных факторов национальной безопасности [Электронный документ] // Власть. 2013. № 2. С. 50–52.
3. Завадская М. Я вам не скажу за всю Одессу [Электронный документ] // «Арсеньевские вести» (сайт). URL <https://www.arsvest.ru/rubric/12390> (дата обращения: 19.02.2020).
4. Латынина Ю. Л. Если мы не Запад, то кто мы? [Электронный документ] // «Новая газета» (сайт). URL <https://novayagazeta.ru/articles/2014/09/09/61065-esli-my-ne-zapad-to-kto-my> (дата обращения: 19.07.2020).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Статья 57. Эксперт. [Электронный документ] // Консультант-Плюс (сайт). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d0b93b9efd7992e9c908d2f19ca2be028d14bd62/%20/ (дата обращения: 10.10.2020).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. [Электронный документ] // КонсультантПлюс (сайт). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения: 10.10.2020).

Svetlana M. SOBOLEVA

Ph. D. (in Philology), Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communications Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: soboleva.sm@dvfu.ru

Challenges and Potential of Forensic Linguistics in the Light of Linguo-Cognitive Security

UDC 81-139

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47

The challenges which forensic linguistics is currently facing on the global arena are predicated by the massive flow of online communications, on the one hand, and raging information controversy of rival powers, on the other. The information confrontation being harsh and unyielding, the most sophisticated instruments are in demand. Verbal manipulation – one of the most practical of all the instruments – is a very subtle and dangerous mental programming tool. The overwhelming majority of citizens find themselves helpless in a situation of latent speech aggression, which aims at destroying a person's identity, developing a complex of inferiority and shame for their nationality, language, history of their country, and culture. It poses a serious linguo-cognitive threat and undermines national security. A qualified linguist can evaluate the amount of danger inherent in information-charged texts as well as suggest a way to counteract hidden information attacks.

linguo-cognitive security,
national identity,
characteristics of expert's
practice,
information attack,
forensic linguistics,
latent methods of verbal
impact,
verbal manipulation
in mass media

For citation: Soboleva S. M. Challenges and Potential of Forensic Linguistics in the Light of Linguo-Cognitive Security // Oriental Institute Journal. 2020. № 3. P. 41–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/41-47

References

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: ucheb. posobie. – M.: Izd-vo «Flinta», 2009. 392 s.

2. Volochaeva O. F. Informatsionno-kul'turno sostavlyayushhaya sistemy nevoennykh faktorov natsional'noj bezopasnosti [EHlektronnyj dokument] // Vlast'. 2013. № 2. S. 50–52.

3. Zavadskaya M. YA vam ne skazhu za vsyu Odessu [EHlektronnyj dokument] // «Arsen'evskie vesti» (sajt). URL <https://www.arsvest.ru/rubr/3/12390> (data obrashheniya 19.02.2020).

4. Latynina YU. L. Esli my ne Zapad, to kto my? [EHlektronnyj dokument] // «Novaya gazeta» (sajt). URL <https://novyagazeta.ru/articles/2014/09/09/61065-esli-my-ne-zapad->

[to-kto-my](https://novyagazeta.ru/articles/2014/09/09/61065-esli-my-ne-zapad-to-kto-my) (data obrashheniya: 19.07.2020).

5. Ugolovno-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii. Stat'ya 57. EHkspert. [EHlektronnyj dokument] // Konsul'tantPlyus (sajt). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d0b93b9efd7992e9c908d2f19ca2be028d14bd62/%20/ (data obrashheniya: 10.10.2020).

6. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii. Stat'ya 282. Vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva. [EHlektronnyj dokument] // Konsul'tantPlyus (sajt). URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (data obrashheniya: 10.10.2020).